

Знаменитый кинорежиссер хочет научиться смирению в отношении всего

ОН ЖИВЕТ СВЕЖО, ВОЗДУШНО И ВКУСНО

КАК СКАЗАЛИ нам основатели программы «Сто вопросов взрослому», это была самая теплая и интересная беседа детей с героем – Владимиром Хотиненко.

Маститый режиссер, словно ребенок, хохотал над вопросами – но потом отвечал на них со всей серьезностью. К примеру: «А ваша борода не смущает вашу жену?» – «Знаете, у меня было четыре жены, ни одна не сказала ничего по этому поводу, а бороду я ношу с 1971 года. Но вот теперь, когда вы задали мне этот вопрос, я спрошу свою жену, не раздражает ли ее моя растительность».

Он верит в судьбу. Чем еще объяснить, что он, когда-то не поступивший во ВГИК, теперь является преподавателем этого вуза. Или встречу с его нынешней женой Татьяной Владимир Иванович называет не иначе, как даром судьбы. Еще один дар судьбы – встреча с Никитой Михалковым: «Он родил меня в плане кино. Я часто задумываюсь: а если бы мы не встретились с ним? И мне становится страшно».

Напоследок он сказал детям: «Вы задаете хорошие вопросы, но, мне кажется, большинство из них вас, в силу вашего возраста, вообще не должны интересовать». После записи программы Владимир Иванович согласился побеседовать и с нами.

– Владимир Иванович, Сергей Минаев, который говорил с детьми перед вами, сказал, что абсолютно не волновался. А вы?

– А я волновался. Я вообще не люблю не волноваться перед стартом – это нужно, иначе непонятно, по какой причине ты вообще все это затеял. Поэтому я до сих пор боюсь премьеры своих фильмов.

– Мне кажется, нельзя себе сказать: «надо волноваться» – либо это чувство есть в тебе от природы, либо нет.

– Вот я и говорю, что это должно быть заложено природой. А как иначе? Если не волнуешься, значит, тебе наплевать. Я всегда волнуюсь. Причем даже люди храбрые, с железной психикой – волнуются, просто умеют держать себя в руках.

– Дети сделали вам удивительный комплимент: люди с такими глазами, как у вас, не врут. Я тоже заметила, что ваши глаза необыкновенно искренни – думаю, вы и сами это знаете. Никогда не пользовались этим оружием, чтобы создать иллюзию честности?

– (Смеется.) Да, особенно в детстве: я был таким хорошеньким – настоящим херувимчиком, поэтому, конечно, пользовался этим. Но, слава богу, теперь вышел из этого возраста.

– Я к чему задала этот вопрос: вы сказали, что не считаете правильным, что детям надо говорить только правду. А сами рассказали о том, что четырежды в жизни жене – причем дети у вас этого не спросили. Не думаете ли вы, что как раз это можно было бы от них скрыть?

– Нет, потому что они уже знают такое обо мне – и в Интернете прочитали, и в моих ранних интервью. Если уж они в курсе того, какими словами я делал предложение своей жене, то о моей судьбе они слышаны. А потом, это и есть правда: перед ними сижу я, который прожил неидеальную жизнь. Ведь это слишком важный этап в моей жизни, чтобы упустить его из виду. Да

они уже взрослые – я, к примеру, в их возрасте уже точно знал, откуда берутся дети.

– Вы были готовы к тому, что дети знают вас настолько хорошо?

– Нет, честно говоря, не ожидал.

– Ваша фраза: сейчас я хочу научиться смирению – в отношении чего?

– Смирения в отношении всего. Вот ответьте мне на вопрос: когда вам кто-то нахамит, вы...

– Я бы ответила обидчику.

– Вот видите – и этим все сказано. А мне кажется, человек должен сказать в ответ: «Простите». Это очень трудно – преодолеть сиюминутный импульс. И для вашего обидчика такой ответ будет не просто воспитательной акцией, а, в первую очередь, пресечением конфликта.

– Вы считаете, что мой обидчик настолько мудр, что оценит этот поступок?

– А этот человек вообще может не придавать этому значения. Просто, как только вы отвечаете ему хамством, тут же зарождается та самая термоядерная реакция конфликта, которая вредит прежде всего вам. Просто попробуйте хотя бы раз проверить: попросите прощения у человека, нахамившего вам. И чем острее будет назревающий конфликт, тем скорее вы поймете, что я прав. Только надо сказать это как можно более искренне – не по-актерски сыграть, а само-

му поверить, что вы в этот момент поступаете правильно. Вас охватит после этого облегчение – это совершенно невероятное чувство.

– Вы были чемпионом города по прыжкам в высоту, самый высокий ваш прыжок – метр девяносто. А как высоко вы прыгнули в переносном смысле?

– Хороший вопрос... В переносном смысле я только ожидаю этого прыжка, причем, я думаю, это не обязательно будет связано с кино – я ожидаю еще какого-то открытия в жизни. Слава богу, это не связано уже ни с физическим ресурсом, ни с талантом – это связано просто с человеческой сущностью, с открытием в себе какого-то потенциала мудрости, гармонии...

– Еще одна ваша фраза: я отдыхаю, когда готовлю. А когда работаете – вы отдыхаете? Для вас работа – это отдых?

– Для меня это жизнь, в которой бывает и так, и эдак. Но я стремлюсь получать от работы удовольствие. Я на площадке очень редко ругаюсь – чрезвычайно редко. И стараюсь, чтобы все чувствовали себя комфортно.

– Вы ведь сами снимались в кино?

– Да, и это мне позволило прежде всего понять актерскую профессию: что такое – годами ждать роль, а потом часами на площадке ждать своего выхода... В профессиональном плане это облегчило мне понимание по-

становки задач... Хотя, в этом отношении мне помогло то, что я работал с Михалковым.

– По-моему, вы с ним совершенно разные: он кажется очень жестким режиссером.

– Нет, он разный. Если бы вы видели, как он общается с актерами – как он любит актеров, как они любят его и как он умеет точно работать с ними... А насчет жесткости – может быть, он стал жестче сейчас, но я не видел этого...

– Нет, внешне он очень мягко, вежливо. Мне кажется, он жесток внутренне.

– Да, внутренняя жесткость у него была всегда, но в данном случае это сила жизни – тот стержень, который помогает ему идти к своей цели.

– У меня сложилось чувство, когда дети отвечали на ваш вопрос: бояться ли они будущего, вы не поверили, что не бояться.

– Не то что не верил... Я пытался в этот момент понять, что это такое – поверхностная оценка, детская бравада или осмысленный ответ. И многие действительно отвечали: нет – и все. С одной стороны, это плохо – не хотят задуматься о серьезных вещах, а с другой стороны... Мне было радостно понять, что это самые обычные дети – таким я сам был когда-то.

– Вы так вкусно рассказывали о том ощущении волшебства,

которое получили от фильма «Человек-амфибия». Вы сделали комплимент его создателям?

– К сожалению, с режиссером судьба меня ни разу не столкнула, а оператору я выразил свое восхищение, и он это принял очень трогательно. Действительно потрясающий фильм. Ощущение волшебства от его просмотра у меня не прошло и сейчас. Да и сама ситуация: мог ли я, совсем еще мальчишка, надеяться, что когда-нибудь встречу актеров, операторов, которые снимали этот фильм, и буду просто здороваться с ними за руку? Вот оно – волшебство самой жизни!

– Вы спросили детей, должен ли кинематограф отражать жизнь? При этом сказали, что сами так не считаете, потому что кинематограф – это сказка, игра. А они практически все сказали, что должен. Это каким-то образом повлияло на вашу уверенность в обратном?

– Нет, безусловно, я остался при своем мнении.

– Встретили ли вы в этой программе пример детской мудрости, какое-то откровение?

– Да, причем это была такая коллективная мудрость, конечно, она по-детски наивна, но от понимания того, что она все же есть, в душе разлилось приятное тепло.

– Что меня поразило: услышав бестолковый вопрос, вы хохотали, а потом отвечали серьезно...

– Я реагировал, это было очень забавно, но отвечать-то все равно нужно. «Смешно» – это хорошее слово, у меня даже есть такой термин в работе. Это не связано с тем, что, к примеру, сцена вызывает смех – для меня это определенное качество жизни: свежо, воздушно, вкусно – это мой термин.

– Программа получилась настоящим теплом. Как вы считаете: в этом ваша заслуга или вы попали в такую атмосферу, которая сама все сделала? Вы по жизни создатель какой атмосферы вокруг себя?

– Я такой – на съемочной площадке у меня всегда хорошая атмосфера. Можно сказать: это то, к чему я стремлюсь всю жизнь. Но для создания атмосферы необходимо, кроме твоих усилий, ответное желание находиться в тепле и уюте. Некоторые очень талантливые режиссеры обожают дискомфорт на площадке – это стимулирует их творческий процесс, иногда они даже искусственно создают атмосферу скандала, интриги, чтобы завести себя и остальных... Причем, повторяюсь, это очень хорошие известные режиссеры. Я не такой: если у меня на площадке кто-то грызется, пресекаю на корню – могу даже выгнать.

– Вы – выгнать?!

– (Смеется.) Я вообще много чего могу. Не такой я пушистый на самом деле, каким кажусь. Именно поэтому у меня в работе полный порядок: время от времени я могу устроить профилактический разнос, если вижу, что моя группа расслабилась и села мне на шею, – с ненормативной лексикой, с криком... Показываю кльки, чтобы все знали, что я не домашнее животное, и становится понятно, кто главный. Но я очень редко этим пользуюсь, честно говоря.

– Хотелось бы посмотреть на это.

– (Смеется.) Приходите на площадку!

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.
Москва – Магнитогорск.